

Э. Роттердамский, Иоанн Секунд

**Эразм Роттердамский, Иоанн
Секунд**

Литературные памятники

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Э1

- Э1 **Э. Роттердамский**
Эразм Роттердамский, Иоанн Секунд: Литературные памятники / Э. Роттердамский, Иоанн Секунд – М.: Книга по Требованию, 2024. – 324 с.

ISBN 978-5-458-41829-4

В книгу вошли латинские стихотворения писателя, богослова и гуманиста Эразма Роттердамского (1469-1536), составляющие лишь малую часть его обширнейшего творческого наследия, и латинский стихотворный цикл “Поцелуи” нидерландского поэта Иоанна Секунда (1511-1536), лучшее из корпуса его стихотворных произведений. Из переводов стихотворений Эразма ранее печатались лишь несколько. “Поцелуи” переведены на русский язык впервые.

ISBN 978-5-458-41829-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

*Ганс Гольбейн Младший.
Эразм Роттердамский.
Париж, Лувр*

**ЭРАЗМ
РОТТЕРДАМСКИЙ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

БУКОЛИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Страстью безумной Росфам к Гунифольде
охвачен, в молчанье
Ночи глубокой, один, на своей играя свирели,
Жалобой долгой тревожил неспящие в небе
созвездья.
Он, вокруг кого лишь недавно забота единая, козы
Мирно бродили, и в гротах, присмотра не требуя,
овцы,
Все позабыл: что он выгнал овец, позабыл
совершенно
Даже глубокою ночью покинутый кров свой
увидеть,
Но до росы далеко, на мокрой траве распростертый,
Он на печальной свирели о страсти поет
беспощадной:
¹⁰ «О Гунифольда, приди,— моего исцеленье
безумья,
Или приди, иль увидишь влюбленного верную
гибель.
Это Росфам твой зовет, Гунифольда, и гибнет,
взывая;
Ты же средь грозных вершин огонь извергающей
Этны
В нежных объятьях своих Полифема свирепого
греешь,—
Ах, пусть косматые руки не ранят лилейную шею,

- Грубая пусть борода не сотрет подбородок твой
нежный.
О Гунифольда, приди, близ кристальных потоков
с тобою
Мы средь цветущих ветвей отдохнем под зеленою
сенью.
Разве приятно, Росфам, предаваться напрасно
страданиям?
20 Брось, не с таким ведь пристало тебе соперником
спорить.
Это ли спор, хоть бы даже Циклоп головою
огромной
Звезды мог задевать? Пусть сам он это услышит,
Сколь бы ни был громаден, что с ним состязаться
готов л:
Голосом, коль пожелает, а хочет — при звуках
свирели.
Я ведь тоже пасу и овец, и ягнят белоснежных,
Статью Дамет мне уступит, лицом мне уступит
Аминта.
Шея моя не груба, не топорщится бычьей щетиной,
Белая грудь у меня, отличаются нежностью губы,
Что же, безумная, любишь ты этой собаки объятья?
30 Пашешь ты берег, Росфам; погляди, и не слушая
вовсе,
Жалобных стонов твоих, убегает прочь Гунифольда.
Что ты надеешься? Пусть он губителем будет
желанья.
Что же ты медлишь? Закончи погибелью долгие
муки.
Эту прими, Гунифольда, любви последнюю жертву.
Смерти жестокой причина, навеки прощай
Гунифольда».

Так он сказал, и пещеры, слова отразив,
разносили.
Роща в ответ,— «Гунифольда»,— зовет, отзывается
небо.
Тут и супруга Титона от глади богини Фетиды,
Мало-помалу всходя на шафранной своей
колеснице,
Стала с небес изгонять темноту поредевшую ночи.
Вот уж и звезды ночные, вершины у гор задевая,
Стали алеть наконец от еще не взошедшего
солнца.
Вот и старик, что виски увенчал зеленеющим
миртом,
Радостен, коз молодых на знакомые пастбища
гонит,—
Это Дралет, кто годами других пастухов
многолетней;
Лоб у него хоть лишился волос и блестит
обнаженный,
Он, как и Нестор, тройной свой возраст уже
исчисляет.
В старости поздней одна у него,— и покой,
и забота,—
Прямо на шее косматой крученая дудка висела.
Он лишь увидел Росфам, простертого навзничь на
росных
Травах,— с такими словами к влюбленному сам
обратился:
«Что за причина, Росфам, задержала под небом
холодным
Стадо твое и тебя? Почему ты печален и овцы
Вот уж и руна свои намочили росю nocturno?»

«Коль это можно, Дралет, о краса пастухов
сицилийских,
То, умереть собираясь, тебе свою страсть я поверю.
В час, когда солнце вчера перешло за средину
Олимпа,
И огнедышащим зноем иссохшие травы палило,
Я, чтобы не повредил этот зной моим козочкам.
стадо,
Что истомилось от жажды, гоню в затененную
рошу;
Там неожиданно вижу под кроной священного
лавра,
Как Аониды, Наяды, а с ними и девы Дриады
Песне размеренной в такт, торжествуя, ведут
хороводы.
Иав на свирели своей, Аполлон там играл на
кифаре,
Двигали музыке вслед все, кто там находились,
руками
И танцевали, ногами сминая смиренные травы.
Взоры увидели это и страсти похитили сердце.
Шла вместе с ними, прекрасней, чем сами
прекрасные нимфы,
И выделялась, стройна, Гунифольда во всем
хороводе.
Видом — богиня сама и достойна Юпитера ликом.
С ней не сравнится Цитере, кем мальчик рожден
огнеопасный,—
Будь я судьей,— не равняться Диане
прекраснейшей с нею.
Взоры увидели это и страсти похитили сердце.
Феб лучезарный насколько превыше сестры
своей, Фебы,

Феба золотая насколько Люцифера ликом светлее,
Как засверкавший Люцифер все звезды собой
превосходит,
Так красотой Гунифольда сражает всех девушек-
сверстниц.

Взоры увидели это и страсти похитили сердце.
Длинные волосы вьются, колеблясь, как темное
злато,

80 Шею из кости слоновой повсюду они обвивают.
Пламень в глазах, ее тело чистейших потоков
нежнее
И белоснежной снегов, и возвышенных звезд
золотистой.

Взоры увидели это и страсти похитили сердце.
А посреди хоровода был тот своенравный
мальчишка,
С нежными щечками он, обнажен и с повязкой
на глазках;
Факелом вооруженный, имел он легчайшие крылья.
Там он присутствовал, став, дерзновенный, в круга
середину.

Взоры увидели это и страсти похитили сердце.
Вынув стрелы свои из колчана блиставшего, мне
он

90 Грудь, пораженную страстью, пронзил пламеносной
стрелой,
Сердце пронзил, и проник до костей моих яд
раскаленный,
И иступленная страсть проползла в сокровенные
недра.
Да, проползла — от любви непривычно внутри
запылало,

Тут я погиб, и казаться мне жизнь начала
нестерпимой.

И созерцал я пока эти девичьи здесь хороводы,
Феб по последним путям проходил на высоком
Олимпе.

Что было делать? Настало то время, когда
устремились

Козы в ограду свою и бычки в знакомые стойла.
Страстью лихой одержим, я брожу в бездорожьи
горных

¹⁰⁰ Пастбищ, в отчаянье тщетном, стенаю, зову
Гунифольду.

К ней я напрасно взываю — бежит от зовущего
дева,

Слезы ничто ей мои и ничто ей мои сокрушенья.
Неколебимей она Исмарийских утесов и глуше
Ярого Аспида, в скалах живущего Этны высокой,—
Скрылась в ужасной она своего Полифема пещере.

Тут я погиб, и казаться мне жизнь начала
нестерпимой.

Вот, наконец, я назад возвращаюсь, понурое стадо
Следом за мной; и когда никакой не осталось
надежды —

Смерти молю у богов иль, что было б гораздо
приятней:

¹¹⁰ Пусть Гунифольде моей они сменят недоброе
сердце.

2.

ЭЛЕГИЯ О СОПОСТАВЛЕНИИ ГОРЯ
И РАДОСТИ

Пусть удалятся с небес и ненастье, и мрачные тучи,
Пусть и в наших сердцах канут тревога и боль.
Пусть перестанет вздымать ветер Африк волны

морские,

Пусть и в наших сердцах канут тревога и боль.
Пусть густолистные кроны Борей колебать

перестанет,

Пусть и в наших сердцах канут тревога и боль.
Канут тревога и боль, пусть новые радости встанут,
Скорбь и отмиценье уйдут, боль и тревога вдали.
Боль и тревога вдали, что привыкли зеленую

юность

¹⁰ Ранее срока пятнать складками старых морщин
Также до срока она приближает тяжкую старость,
Сладкие дни обрывать тоже привыкла она.

Силы она же крадет и мозг у костей пожирает,
А на лице от нее рушится, гибнет краса.

Худшее это безумье из сердца и чувства уносит,
И похищает талант это сквернейшее зло.

Пусть же к Стигийским волнам далеко оно сгинет,
далёко,

В Тартаров хаос пускай канут тревога и боль.

Пусть же радость настанет, что юности красной
пристала,

Нет без нее красоты, нет без нее доброты.
Телу опора, она отдаляет прискорбную дряхлость,
Делает дольше она полные радости дни.
С радостью выше краса и лицо вместе с нею яснее,
С радостью вместе и ум также бывает светлей.

